

Спасибо моей любимой жене Кристине, без которой я был бы другим человеком и никогда не написал бы этой книги.

Спасибо моему учителю — сэнсэю Морио Хигаонне за то, что он есть, за то, что он подарил мне Окинаву и удивительный мир окинавского карате.

Спасибо моему другу, партнеру и ученику Эhtiбару Мустафаеву, который стал для меня примером целеустремленности и работоспособности. Я ему обязан столь многим, что только для перечисления всего, что он сделал, придется написать еще одну книгу. Кстати, тем, что эта книга была опубликована, я тоже обязан ему!

Спасибо моему близкому другу Антону Комолову, который помог мне изменить жизнь. Мне трудно выразить словами, как важно то, что он сделал для меня.

Спасибо моему другу Сергею Бадюку, который буквально заставил меня написать эту книгу.

Спасибо моим ученикам, благодаря которым я чувствую, что всё, что я делаю, имеет смысл.

Содержание

Начало	8
Часть 1. История и истории	11
Глава 1. Однажды на юге Китая	13
Глава 2. Королевство Рюкю.....	18
Глава 3. Китайский посланник.....	23
Глава 4. Охота за мечами.....	25
Глава 5. Рождение Окинавского кулака	27
Глава 6. Мацумура, Итосу и Сёрин-рю	30
Глава 7. Моси.....	34
Глава 8. Рюрюко	37
Глава 9. На Окинаве.....	43
Глава 10. Тёдзюн Мияги.....	50
Глава 11. Нежданная дружба	54
Глава 12. Становление мастера	57
Глава 13. Историческое собрание	66
Глава 14. Время испытаний	69
Глава 15. Последний ученик	74
Глава 16. Анити Мияги и доктор	79
Глава 17. Дзинан Синдзато	82
Глава 18. Морио Хигаонна	86
Часть 2. Школа Годзю-рю карате.....	93
Глава 19. Санчин	94
Глава 20. Ката говорит.....	100
Глава 21. Точка контакта.....	106

Глава 22. Ходзё ундо	113
Глава 23. Бункай.....	120
Глава 23. Поединок — не цель, а способ	126
Глава 24. Язык карате.....	129
Часть 3. Обратная сторона карате	133
Глава 25. Главный враг.....	134
Глава 26. Зансин	137
Глава 27. Зачем я так с собой?.....	140
Глава 28. Карате на каждый день.....	143
Глава 29. Карате — ассенизатор сознания	147
Глава 30. Путь ярости.....	149
Глава 31. Осторожнее с понятиями	153
Глава 32. Традиционные ценности карате.....	155
Глава 33. Мысли о смысле	160

Начало

С детством мне повезло. Мой отец часто выезжал в заграничные командировки, поэтому я не был обделен дефицитными джинсами, жвачкой и прочими благами западной цивилизации. В 1980 году его послали в Японию. Для нас с братом это было сродни полету на Марс. Мы ждали его возвращения с трепетным предвкушением высокотехнологичных игрушек и еще чего-то неизведанного, но наверняка поражающего воображение. Когда папа вернулся, было всё: и нестерпимо яркие упаковки невероятно вкусных конфет, и музыкальный центр, напоминавший консоль управления реактивным самолетом, и еще много чудес, плохо вписывавшихся в ассортимент советских универмагов, но самым важным и ценным подарком стала книга, которая перевернула всю мою жизнь. В силу незнания японского языка, я не мог ее прочитать, но, если бы вы знали, с каким трепетом и упоением я рассматривал фотографии, на которых люди в «белых пижамах» голыми руками и ногами крушили кирпичи, доски и даже арбузы... Теперь я знаю, что это было пособие по Киокусинкай с великим Масутацу Ояма на обложке, но тогда, в 1980 году (в тринадцать лет), для меня существовало только КАРАТЕ (единственное написанное на английском слово в этой книге). С этого момента я забросил самбо, которым занимался в неплохом клубе «Буревестник» (рядом с метро «Лермонтовская»), и стал бегать за каждым человеком с мозолями на кулаках в наивной надежде обрести учителя. Кто ищет — тот найдет, причем иногда в самом неожиданном месте. Моим проводником в мир карате стал ровесник, который жил по соседству. После моего разрешения сделать фотокопию той самой книги он рекомендовал меня своему учителю, от которого я в предвкушении приобщения к невероятным чудесам услышал распространенную в то время легенду на тему происхождения карате, и, конечно же, в ней

шла речь и об угнетенных окинавских крестьянах, сотнями уничтожавших несчастных самураев. Тогда я и обрел свою персональную «святую землю», и имя ей было ОКИ-НАВА. Только спустя двадцать пять лет я смог совершить долгожданное паломничество.

Все оказалось другим. Не лучше и не хуже. Просто другим. А вот учитель правильный, как в кино. УЧИТЕЛЬ! Вскормленный на сказаниях о недостижимом мастерстве непостижимых мастеров, я взрастил свой идеал, под который тщательно подгонял всех сэнсэев, встречавшихся на моем пути.

Первым был Александр из Сэнэ. Невероятно крутой и строгий парень, у которого был ученик. Ему на руки он надевал боксерские лапы, которые тот обязан был держать перед лицом. Александр бил в лапы, ученик бил себя лапами по лицу — у него из носа текла кровь. Тогда я понимал — здесь я стану наикрутейшим бойцом. Вероятно, так бы и случилось, если бы однажды вечером в додзэ не пришел строгий страж порядка, после беседы с которым наставник объявил о прекращении тренировок на неопределенный срок.

Потом был Андрей. Тридцатипятилетний мужчина, отсидевший десять лет в тюрьме. Главное его достоинство заключалось в умении ломать подброшенную в воздух доску ударом маваши гери, а вот после занятий мы все вместе пили портвейн и слушали его рассказы про то, как живет «там». К моему счастью, через год тренировок парень снова загремел в тюрьму.

Третьим сэнсэем стал мой армейский друг Игорь Сычев со своим видением карате, ушу, тхэквондо. После него сэнсэй Владимир Томилов в ЦСКА, Алексей Маслов (в короткий период измены ушу), Владимир Чугунов, который привел меня в Годзю-рю, и Александр Филимонов. Я чрезвычайно благодарен всем этим людям, несмотря на то, что с некоторыми из них сложились непростые отношения, но каждый помог мне понять нечто очень важное на пути к Учителю. Нет, я не сотворил себе

кумира. Сэнсэй Хигаонна — такой же человек со своими особенностями и слабостями. Тем не менее, когда я устаю от тренировок и мне кажется, что я топчусь на месте или, наоборот, достиг всего, что больше нечему учиться, я беру билет на самолет и лечу к нему на Остров — подзарядиться.

На сегодняшний день у меня за спиной больше тридцати лет занятий боевыми искусствами. Я многим обязан карате. Долгий и упорный путь к его познанию привнес в мою жизнь смысл, у меня появились друзья, я приобрел чувство целостности, которое позволяет оставаться собой даже тогда, когда проще быть кем-то другим. Когда-то давно (мне было двадцать или около того) мы с друзьями собирались в зале, в районе Новогиреево, и лупили друг друга безо всякой жалости, чувствуя себя жуткими крутышами. Сегодня карате для меня — это значительно больше, чем просто разновидность физической активности или способность сделать больно своему ближнему. Именно поэтому я решил написать книгу, чтобы попытаться рассказать о своем карате, его месте в моей вселенной и той силе, которую оно может дать. Я хочу поделиться своими мыслями и переживаниями, которые, надеюсь, будут интересны тем, кто идет по этому пути или только собирается ступить на него. Это мой способ выразить уважение к этому боевому искусству и моим учителям.

**С сэнсэем
Морио
Хигаонна
◀ на Окинаве**

ЧАСТЬ 1

| ИСТОРИЯ И ИСТОРИИ |

Любой, кто захочет описать истоки и причины зарождения карате, столкнется с проблемой отсутствия документальных свидетельств описываемых событий. Можно сказать, что почти вся история этого боевого искусства состоит из устных преданий. Моя попытка высказаться на эту тему ни в коем случае не претендует на истину в конечной инстанции. Скорее для меня было важно донести дух того времени, его уникальную атмосферу, поэтому я посчитал возможным разбавить существующие факты весьма смелыми литературными интерпретациями, особенно когда речь идет о происшествиях, имеющих множество версий, ни одна из которых на сегодняшний день не подтверждена. Источником моих исторических экспромтов стали рассказы моего учителя — сэнсэя Морио Хигаонны и других мастеров Окинавы, с которыми мне посчастливилось общаться!

Глава 1. Однажды на юге Китая

Мы привыкли к тому, что на любой подделке обязательно есть метка «Made in China»; равно как и к тому, что надпись «Made in Japan» — своеобразная гарантия качества и подлинности. Сейчас я расскажу вам одну историю, когда Китай имел отношение к созданию оригинального продукта, а японцы с успехом присвоили его себе. Речь пойдет о карате. В прошлом остались времена, когда об этом боевом искусстве в нашей стране знали только избранные. Сегодня все (от детей до убежденных сединами старцев) уверенно ответят вам, что карате — это японское умение дрыгать ногами, обязательным атрибутом которого является порча кирпичей и громкие крики.

Только вот незадача — это распространенная легенда, которая не имеет ничего общего с настоящей историей зарождения карате. В истории появления этого кулачного искусства нет места не только превращающимся в хлам одним движением руки строительным материалам, но и даже самой Японии.

То, что мы называем сегодня карате, зародилось на юге Китая и позже попало на благодатную почву Окинавы, которая в то время была самостоятельным королевством Рюкю, находившимся в вассальной зависимости от Китая. Вот почему крайне трудно понять истоки возникновения карате, не представляя себе (хотя бы в общих чертах) историю Поднебесной империи того периода, который предшествовал возникновению на юге этой страны чрезвычайно эффективных рукопашных систем. Началось всё, как и положено, с небольшой победоносной войны.

На северо-восточной границе Китая на протяжении многих лет жили-были близкие родственники

тунгусов — чжурчжэни. Жили они относительно тихо, никого не трогая, пока в 1115 году не решили, что они не хуже других, и не объявили своего племенного вождя Агуду ни много ни мало императором совершенно нового государства Цзинь. «Как им это пришло в голову?» — спросите вы. Дело в том, что незадолго до описываемых событий соседи чжурчжэней (тоже кочевники кидани) создали свое киданьское государство Ляо и объявили их территорию своей (причем среди местного населения по этому поводу референдум не проводился). С ними, надо сказать, в то время вообще не считались. Оскорбленные до глубины души родственники тунгусов, имея в наличии собственного императора и новенькое государство, незамедлительно объявили войну захватчикам из Ляо, что оказалось как нельзя кстати для китайской династии Сун, правившей в то время в Поднебесной и много лет безуспешно воевавшей с теми самыми киданями. С неожиданными союзниками в 1120 году был заключен военный договор, который имел далеко идущие и разрушительные для Сун последствия. Дело в том, что чжурчжэни, как всякие нормальные кочевники, разгромив киданей, проскакали на своих лошадках чуть дальше, чем этого требовала картина боя. В 1127 году они переправились на южный берег Янцзы, взяли северную столицу Кайфэн и готовы были двинуть дальше. Сунский император, которому пришлось бежать в Ханчжоу, так расстроился, что казнил своего лучшего полководца Юэ Фэя и признал себя вассалом чжурчжэньской империи Цзинь со всеми вытекающими последствиями в виде выплаты дани и существенного сокращения площади проживания подданных империи Сун.

И все было бы хорошо у почти тунгусов, если бы не нашествие монголов. Чжурчжэни не успели насладиться плодами своей победы, а сунский император наступил на те же грабли. Увидев в монголах шанс на реванш, он заключил с детьми степи союз, в результате которого чжурчжэни были полностью разгромлены, а Сунская

империя после почти столетней опустошительной войны со вчерашними союзниками-монголами окончательно пала. В возникшем на ее месте монгольском государстве китайцам жилось из рук вон плохо. По стране прокатилась волна народных бунтов, самым значительным из которых стало восстание Красных повязок. Одним из его руководителей был сын крестьянина, бродячий монах Чжу Юаньчжан. Он после разгрома монголов стал императором новой династии Мин. Страдающий манией преследования вчерашний крестьянин начал проводить политику репрессий и тотального уничтожения всех, кто, по его мнению, представлял угрозу его правлению. Эти события непосредственным образом повлияли на то, что, в общем-то, спокойный и более или менее благополучный юг страны появляется в нашем повествовании в качестве полыхающей от непрекращающихся войн территории, где тысячами гибли люди. Дело в том, что многие из тех, до кого не дотянулась рука китайских спецслужб, сбежали из страны и вступили в сговор с японскими пиратами, облегчив им доступ к южнокитайским берегам. К середине XVI века пиратские набеги превратились в полноценную войну с осадой южнокитайских городов и даже захватом столицы Нанкина. Конец этому безобразию положили три богатыря: Ци Цзигуан, Юй Даю и Лю Сян, призвавшие под свои знамена всех честных и умелых в военном деле жителей юга Поднебесной, которые под их чутким руководством навалили японцам по самое «не балуйся». В это время в «большом» Китае вспыхнула крестьянская война, в ходе которой один истинный император повесился, зато появились три новых. Среди претендентов на престол были замечены два разбойника и один евнух. В этой атмосфере веселья и неразберихи последний генерал уже практически несуществующего государства Мин У Саньгуй перешел на сторону маньчжурского государства Цин. В 1644 году разгромил остатки китайской армии и взял Пекин. Для ослабленного крестьянскими

бунтами Китая хватило года, чтобы стать частью маньчжурской империи Цин, только юг империи оставался последним оплотом китайских свобод и истинных ценностей гнущей династии. В 1645 году очагами независимости от маньчжуров, где сохранялась власть Мин, стали провинции юга Фуцзянь и Шаосин. После их падения центр борьбы с захватчиками переместился в Чжаоцин и Гуанчжоу. В 1649 году войска династии Цин начали массированное контрнаступление, в ходе которого остатки Мин были почти разгромлены, только последний предводитель китайских патриотов Чжэн Ченгун, выдающийся полководец и герой юга, продолжал борьбу. В 1652 году он занял почти весь юг Фуцзяни, а в 1656-м на своих кораблях дошел до Нанкина, затем под давлением превосходящих сил противника полководец Чжэн покинул Поднебесную и перебрался на Тайвань, по ходу дела выбив оттуда голландские колониальные войска. Для борьбы с Ченгуном в 1656 году был издан императорский указ о «морских запретах», категорически запрещающий выход в море любых торговых судов. Нарушители подвергались аресту и казни с конфискацией товара и домашнего имущества. Стараясь обезопасить себя от нападения с моря, маньчжуры насильственно переселили всех жителей провинций Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун подальше от побережья, которое с этого времени охранялось днем и ночью.

В 1677 году цинские войска заняли Гуанчжоу, а в 1683-м маньчжурское завоевание Китая окончательно завершилось присоединением Тайваня. Таким образом, только в конце XVII века на юге Китая после столетий кровопролития и убийств наступает более или менее мирное время, когда у людей появляется возможность заняться чем-то помимо выживания. Именно к этому периоду относится история появления большинства стилей цюань-фа («кулачное искусство») юга. Так, в качестве материнского стиля окинавского карате чаще всего называют наиболее известную фуцзяньскую школу Хэ Цюань,

или Кулак журавля, создание которой в конце XVII века приписывают представительнице слабого пола по имени Фан Цинян. При этом фактическое формирование стиля было осуществлено уже в начале XVIII века ее наиболее выдающимся учеником Чжэн Ли, впоследствии заслужившим титул «великий наставник». К этому же времени относится появление еще одного из возможных прародителей окинавского карате — Хусин Цюань, или Кулак формы тигра. Основание одного из старейших фуцзяньских стилей Лохань Шибя Цюань, или Кулак архата, приписывают пришедшему с севера монаху Куньинь, который в середине XIX века обучил ему Юнь Ишаня. Последний в начале XX века перебрался в Фуцзянь, где взял себе в ученики Ван Цыци. Ему мы и обязаны тем лоханем, который сегодня наиболее распространен в Фуцзяни. Среди возможных претендентов на звание прародителя окинавского кулачного искусства иногда называют и такие южнокитайские стили, как Кулак золотого льва, Кулак дракона, Кулак пяти предков и другие, но фаворитами являются именно эти три великих цюаня из провинции Фуцзянь.